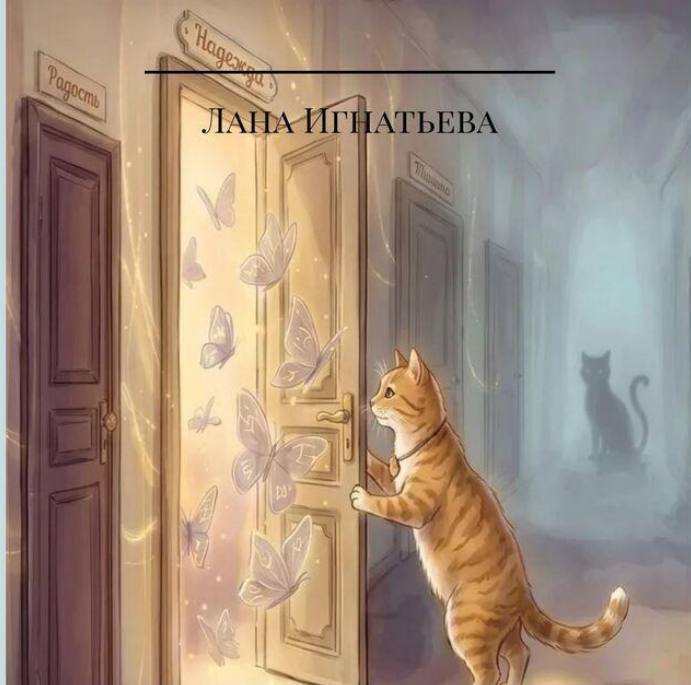

0+

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРСИКА

*Там, где сны становятся
тихими чудесами*

ЛАНА ИГНАТЬЕВА

Лана Игнатьева
Приключения Барсика.
Там, где сны становятся
тихими чудесами

<https://litres.ru/74400977>

ISBN 9785007097574

Аннотация

Барсик — не обычный кот, а Хранитель снов и тихий помощник, который умеет слышать то, что люди не решаются произнести вслух. Вместе с верным другом Тик-Так и мудрым лесным духом он путешествует по снам обитателей дома, чтобы спасти затерявшиеся желания, вернуть на место убежавшее время и помочь тем, кто не умеет просить о помощи.

Содержание

Приключения Барсика	5
И нырнул...	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Приключения Барсика Там, где сны становятся тихими чудесами

Лана Игнатьева

© Лана Игнатьева, 2026

ISBN 978-5-0070-9757-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приключения Барсика

«Как кот летал на лунном луче»

Барсик сворачивался на подоконнике так, будто забирал в объятия весь вечер. Хозяйка тихо прикрыла дверь, и в комнате стало слышно, как тишина ложится на вещи, словно тонкий слой пыли — но не пыльной, а уютной, тёплой. Барсик прикрыл глаза, и сон пришёл к нему не шагами, а шёпотом.

Во сне он стоял на самом краю крыши, где небо было ближе, чем обычно, и пахло озоном и холодными звёздами. Прямо перед ним дрожал лунный луч — не просто свет, а будто натянутая серебряная нить. Барсик не раздумывал: он прыгнул и пошёл по ней, как по мосту, и шерсть его стала переливаться, будто в неё вплели лунный свет.

Он шёл и видел, как внизу город спит, и каждый дом держит свой собственный сон, как чашку с горячим чаем. А потом луч изогнулся дугой и привёл его к маленькой дверце, висевшей прямо в воздухе. Барсик толкнул её носом — и оказался в саду, где росли не цветы, а воспоминания. Там были воспоминания о первой миске молока, о том, как хозяйка смеялась, когда он уронил вазу, и даже о том, как он впервые испугался пылесоса.

В центре сада сидела старая кошка с глазами, похожими на янтарные часы.

— Ты пришёл за чем-то важным? — спросила она.

— Я пришёл просто посмотреть, как всё устроено, — промурлыкал Барсик.

— Тогда смотри, — сказала кошка. — Помни: сны нужны не для того, чтобы убегать, а чтобы понимать, что ты уже дома.

И Барсик вдруг понял, что дом — это не четыре стены, а место, где тебя ждут. Он повернулся и пошёл обратно по лунному лучу, и с каждым шагом становился всё легче, пока не растворился в свете и не вернулся в свою корзинку, где пахло хозяйкой и спокойствием. Когда хозяйка утром заглянула к нему, Барсик потянулся и посмотрел на неё так, будто знал о ней что-то очень хорошее — то, что можно знать только во сне.

«Кот и город, который умел шептать»

В этом сне город был не таким, как наяву. Дома в нём не стояли неподвижно, а чуть покачивались, как деревья на ветру, и у каждого был свой голос. Один дом шептал про старые письма, другой — про забытые ключи, третий — про то, как когда-то на его ступеньках кто-то плакал и потом смеялся.

Барсик шёл по переулку, и мостовая под лапами казалась тёплой, будто её только что согрели чьи-то шаги. Вдруг он услышал, как один дом позвал его по имени — не голосом, а вибрацией, от которой у него задрожали усы.

— Здесь кто-то ждёт тебя, — сказал дом.

Барсик поднялся по скрипучей лестнице и толкнул дверь, которая сама открылась ему навстречу. В комнате было темно, но по углам светились маленькие огоньки, похожие на светлячков. На старом кресле сидел мальчик, который смотрел на Барсика так, будто видел в нём кого-то очень важного.

— Я думал, что забыл тебя, — тихо сказал мальчик.

— А я и не уходил, — мурлыкнул Барсик.

Оказалось, что это был сон мальчика, и Барсик пришёл в него, чтобы напомнить: даже если что-то кажется потерянным, оно просто ждёт, когда ты снова научишься его слышать. Они посидели вместе, пока огоньки не стали гаснуть один за другим, и тогда Барсик мягко соскользнул с кресла и вышел в приоткрытую дверь, возвращаясь к своему настоящему дому, где на кухне тихонько тикали часы, а на столе остывал чай.

«О том, как Барсик собирал рассыпавшиеся дни»

Этот сон был похож на комнату, в которой кто-то уронил время: дни лежали на полу, как разноцветные лоскутки, и

каждый был сшит из запахов, звуков и прикосновений. Барсик осторожно ступал по ним, стараясь не наступить на что-то хрупкое.

Вдруг он увидел лоскуток, на котором был запах дождя и звук шагов хозяйки по мокрому асфальту. Он поднял его зубами и понёс к центру комнаты, где стоял маленький столик с чашкой, в которой плескалось что-то похожее на рассвет. Рядом сидела женщина, очень похожая на хозяйку, только моложе, и она тихо говорила:

— Дни иногда рассыпаются. Но их можно собрать. Главное — не торопиться.

Барсик принёс ещё один лоскуток — тот, где пахло свежей выпечкой и слышался смех. Потом ещё один, где было тихо и спокойно, как в комнате перед рассветом. И когда он сложил их все вместе, они стали одним большим покрывалом, тёплым и мягким, как объятия. Женщина улыбнулась и погладила Барсика между ушами.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь мне будет не так холодно.

Барсик понял, что иногда самое важное, что может сделать кот, — это помочь кому-то снова почувствовать тепло. И он вернулся в свой сон, где утро уже подступало к окну, и первые лучи солнца ложились на его бок, обещая новый

день.

«Сон, который умел ждать»

Однажды Барсик уснул и проснулся не в комнате, а в длинном коридоре, где двери вели не в комнаты, а в разные настроения. За одной дверью была радость, за другой — усталость, за третьей — то самое чувство, когда хочется свернуться клубочком и чтобы никто не трогал. Барсик шёл по коридору, и каждая дверь чуть приоткрывалась, будто хотела ему что-то сказать.

Но одна дверь была закрыта наглухо, и вокруг неё вился лёгкий туман. Барсик потёрся о косяк, и дверь тихо скрипнула, приоткрываясь ровно настолько, чтобы он мог заглянуть внутрь. Там было темно и тихо, и в этой тишине жило ожидание. Не тревожное, а спокойное, как будто кто-то сидел в темноте и знал, что рано или поздно свет придёт.

— Ты ждёшь кого-то? — спросил Барсик.

— Я жду тебя, — прошептал голос из темноты.

Это был его собственный страх, тот, что иногда подкрадывался к нему ночью, когда дом становился слишком большим. Но теперь, увидев его, Барсик не убежал. Он сел рядом и сказал:

— Я здесь. Мы можем подождать вместе.

И страх перестал быть страшным. Он стал просто тенью, которая знала, что скоро утро. Барсик посидел с ним ещё немного, а потом встал и пошёл к другой двери — той, за которой уже начинался рассвет. Он открыл её, и свет хлынул ему навстречу, тёплый и золотистый, как чашка какао.

«Последний сон, который был про настоящее»

Последний сон был самым простым. В нём не было ни лунных лучей, ни волшебных садов, ни коридоров с дверями. В нём была кухня, на которой хозяйка пила чай, и Барсик сидел рядом, чувствуя, как тепло от её руки перетекает в его шерсть.

Они молчали, но это было то молчание, в котором умещается всё самое важное. Барсик смотрел на пар, поднимающийся от чашки, и думал, что счастье — это когда тебе не нужно никуда бежать, потому что ты уже там, где нужно.

А потом хозяйка наклонилась и тихо сказала:

— Знаешь, я иногда боюсь, что всё изменится.

Барсик положил голову ей на колени и промурлыкал:

— Иногда меняется только погода. Дом остаётся.

И хозяйка улыбнулась, будто услышала что-то очень нужное. А Барсик закрыл глаза и понял, что этот сон — самый

настоящий, потому что в нём было всё, что ему нужно: тепло, тишина и тот, кто рядом.

Когда он проснулся, солнце уже заливало комнату, и хозяйка стояла у окна, напевая что-то себе под нос. Барсик потянулся, подошёл к ней и ткнулся носом в её ладонь. И она, не задумываясь, погладила его, как делала это всегда. И в этом простом жесте было столько любви, что Барсику показалось: он только что увидел самый красивый сон в своей жизни — тот, который живёт не во сне, а наяву.

«Как Барсик нашёл потерянное мурчание»

В тот вечер хозяйка долго сидела у окна, глядя, как сумерки накрывают город, будто мягкое одеяло. Барсик устроился у неё на коленях, но мурчать не получалось: звук будто застрял где-то посередине горла, как пуговица в узкой петельке. Он морщил нос, напрягался, но вместо привычного «мур-мур» выходило только тихое «кхм».

И тогда он уснул — и сразу провалился в сон, где всё было перевёрнуто: тишина звенела, а звуки становились видимыми. По переулку катились шарики из шёпота, в воздухе висели ленты из смеха, а где-то вдалеке дрожала тонкая струна из чьего-то тихого «спасибо».

Барсик шёл по этому странному городу и вдруг заметил,

что у него нет своего звука. Без мурчания он казался себе полупрозрачным, будто его вот-вот унесёт ветер. Тогда он решил: надо найти своё мурчание, пока оно не затерялось среди тысяч других звуков.

Он спросил у старого уличного кота, который сидел на заборе и выглядел так, будто знал все секреты города:

— Ты не видел мурчание? Такое тёплое, моё собственное?

Старый кот прищурился:

— Мурчание не лежит на дороге. Его не подберёшь, как монетку. Оно прячется там, где его ждут.

Барсик задумался. И вдруг понял: его мурчание прячется в тех моментах, когда хозяйка гладит его по спине и говорит: «Ты мой хороший». Оно живёт в тепле её коленей, в запахе свежего хлеба, в том мгновении, когда она улыбается, увидев, как он смешно потягивается.

Он побежал туда, где в этом сне был их дом, и нашёл маленькую коробочку, сделанную из тишины. Внутри лежало его мурчание — не звук, а чувство, похожее на тёплый свет. Барсик взял его и прижал к груди, и сразу стало легче дышать.

Когда он вернулся к хозяйке, сон начал таять, как утренний туман. Но прежде чем проснуться, Барсик успел про-

мурлыкать — тихо, но так, что хозяйка почувствовала это даже сквозь сон. Она чуть улыбнулась во сне, и Барсик понял: иногда самое важное — это не громкий звук, а тот тихий свет, который ты даришь тому, кто рядом.

«Сон про невидимую ниточку»

На этот раз Барсик увидел сон, в котором все люди были соединены тонкими ниточками. У кого-то ниточка была тугой и натянутой, у кого-то — распутанной и слабой, а у кого-то она сияла, будто её сплели из лунного света.

Ниточки тянулись от сердца к сердцу, и по ним бежали маленькие искорки: «я тебя слышу», «я рядом», «не бойся». Барсик осторожно трогал их лапой и чувствовал, как по шерсти пробегает лёгкий ток — не пугающий, а добрый, словно кто-то тихо шепчет: «Спасибо, что ты есть».

Он заметил одну ниточку, которая была почти порвана: она висела, тонкая и дрожащая, и по ней почти не бежали искры. Она тянулась от хозяйки к кому-то далёкому, кого Барсик не видел. Он сел рядом и начал мурлыкать прямо в эту ниточку — не громко, а так, чтобы звук стал тёплым ветром и подклеил её, как невидимый пластырь.

И ниточка начала крепнуть. По ней побежали новые искры, и Барсик слышал, как где-то далеко кто-то вздохнул

чуть спокойнее, будто сбросил с плеч тяжёлый рюкзак.

Потом к нему подошла маленькая девочка в платье из звёздной пыли.

— Ты умеешь чинить ниточки? — спросила она.

— Я просто мурлычу туда, где тихо, — промяукал Барсик.

— Тогда ты самый важный кот на свете, — сказала девочка и протянула ему крошечный клубочек, сплетённый из тишины и света. — Возьми. Он поможет тебе находить те места, где ниточки рвутся.

Барсик взял клубочек и проснулся. Клубочка в лапах не было, но ощущение осталось: он знал, что даже когда он просто лежит рядом, он чинит ниточки между людьми. И когда хозяйка утром налила ему молока, а потом тихо сказала: «Сегодня будет хороший день», Барсик кивнул, будто знал это раньше неё.

«Барсик и библиотека забытых слов»

Во сне Барсик оказался в огромной библиотеке, где вместо книг на полках стояли коробочки с запахами, мешочки с ощущениями и свитки из шёпота. Библиотекарь — старая кошка в очках на кончике носа — кивнула ему:

— Ты пришёл за словом, которое забыл?

— Я не знаю, — промурлыкал Барсик. — Мне кажется, я должен кому-то что-то сказать, но слова теряются.

Библиотекарь провела его к полке, где лежали слова, которые люди когда-то сказали, а потом забыли. Там были «прости», «спасибо», «я тут», «не уходи», «я горжусь тобой». Они лежали, тусклые, будто покрытые пылью, и Барсику захотелось их протереть.

Он выбрал одно слово — не громкое, не блестящее, а простое: «ты не один». И библиотекарь улыбнулась:

— Это самое сильное слово из всех. Его не нужно кричать. Его нужно просто держать рядом, как тёплый плед.

Барсик взял слово, завернул его в кусочек тишины и понёс домой. По дороге он встречал других котов, и каждому давал по крошечной частичке этого слова: одному — чтобы он не боялся темноты, другому — чтобы помнил, что его ждут, третьему — чтобы знал, что он хороший, даже если сегодня всё шло не так.

Когда он добрался до своего дома, слово стало лёгким, как пёрышко, но светилось изнутри. Барсик положил его на подушку хозяйки, и она, даже не зная об этом, почувствовала, как ей стало спокойнее.

А Барсик свернулся клубочком и подумал: «Иногда самое важное слово — то, которое ты не произносишь вслух, а про-

сто живёшь им».

«Барсик — проводник забытых воспоминаний»

В ту ночь хозяйка долго не могла уснуть. Она лежала, глядя в темноту, и думала о чём-то таком далёком, что даже слово подобрать было трудно — будто пыталась вспомнить запах, который унёс ветер много лет назад. Барсик почувствовал это беспокойство, как чувствуют холод, когда открывают форточку. Он тихо запрыгнул на кровать, устроился у неё под боком и зажмурился, будто собирался не просто спать, а нырять.

И нырнул...

Сон оказался похожим на старый чердак: пыльный, тихий, с паутинками, которые на самом деле были нитями времени. По стенам висели жестяные коробки с надписями, которые никто не мог прочесть, кроме котов. Барсик подошёл к одной, на которой едва виднелось: «Лето, когда всё было проще». Он толкнул её лапой, крышка приоткрылась, и оттуда выплыл кусочек воспоминания — не картинка, а ощущение: тёплый ветер, запах скошенной травы и смех, который звучал так, будто мир был добрым и безопасным.

Но воспоминание дрожало, как огонёк на ветру, и вот-вот готово было погаснуть. Барсик понял: оно забывалось, потому что его слишком долго не доставали, не разглядывали, не согревали вниманием. Он сел рядом и начал мурлыкать — тихо, ровно, так, чтобы звук стал тёплым укрытием для этого маленького огонька.

Вдруг рядом появилась невысокая женщина в платье из лоскутков разных лет. В руках у неё была корзинка, из которой выглядывали спутанные клубки.

— Ты умеешь держать воспоминания, чтобы они не рассыпались? — спросила она.

— Я умею быть рядом, — промяукал Барсик.

Женщина улыбнулась:

— Этого как раз и не хватает. Воспоминания любят тишину и тепло. Им не нужно, чтобы их громко вспоминали. Им нужно, чтобы их не боялись.

Она показала ему, как аккуратно распутывать забытые моменты: не дёргать, не торопить, а чуть-чуть подталкивать лапой, мурлыкать рядом, позволять им снова обрести форму. Барсик взял первое воспоминание — тот самый летний смех — и понёс его туда, где оно должно было жить: прямо в сердце хозяйки. Он не вкладывал его насильно, а просто шёл рядом, и воспоминание само тянулось за ним, как котёнок за матерью.

По пути он нашёл ещё несколько забытых кусочков: запах маминых пирогов, ощущение, когда тебя крепко обнимают, тот миг, когда впервые понимаешь, что ты кому-то нужен. Каждое он согревал своим мурчанием и укладывал на место, будто расставлял на полке любимые чашки — так, чтобы до них было легко дотянуться.

А потом он увидел самое хрупкое воспоминание — то, которое хозяйка прятала даже от самой себя. Оно было серым, сжавшимся, будто стыдилось того, что сохранилось. Барсик не стал его разглядывать. Он просто сел рядом, закрыл глаза и замурлыкал так, словно говорил: «Я не буду тебя судить.

Ты имеешь право быть». И воспоминание чуть-чуть расслабилось, из серого стало тёплым, как рассветный туман.

Когда Барсик вернулся, хозяйка уже спала, но на лице у неё лежала лёгкая улыбка — та, что бывает, когда во сне встречаешь кого-то очень родного. Барсик устроился рядом, положил голову на её руку и подумал: «Иногда самое важное — не вернуть прошлое, а показать, что оно всё ещё здесь, просто спряталось в тишине».

Утром хозяйка проснулась и вдруг сказала, ни к кому не обращаясь:

— А ведь бабушка пекла самые вкусные пироги. Я совсем забыла этот запах...

Барсик потянулся, подошёл к ней и ткнулся носом в ладонь. И она, сама не зная почему, погладила его чуть дольше обычного, будто благодарила за что-то важное.

«Как Барсик собирал воспоминания для других»

После того сна Барсик понял, что умеет быть проводником не только для хозяйки, но и для тех, чьи воспоминания тихо плачут в уголках чужих сердец.

Однажды вечером к хозяйке пришла подруга — грустная, будто несла в себе целую комнату, где погасили все лампы. Она села, улыбнулась, но улыбка была такой тонкой, что вот-

вот могла порваться. Барсик посмотрел на неё и увидел, как над её головой дрожит маленькая искорка — крошечное воспоминание, которое отчаянно хотело быть замеченным.

Он подошёл, запрыгнул к ней на колени и замер, прислушиваясь к тишине внутри неё. Искорка была про щенка, которого она очень любила в детстве, но о котором давно не вспоминала, потому что вспоминать было больно. Барсик закрыл глаза и начал мурлыкать, и его мурчание стало мостом: по нему воспоминание медленно спустилось из темноты в свет.

Подруга вдруг тихо сказала:

— Знаешь, у меня был щенок... Он всё время путался у всех под ногами, но я его обожала.

Хозяйка улыбнулась:

— Расскажи про него.

И подруга рассказала. И с каждым словом комната становилась светлее, а искорка — ярче. А Барсик сидел и думал: «Вот так и чинят память — не силой, а теплом».

С тех пор он научился видеть эти искорки у разных людей: у почтальона, который на секунду застывал, вспоминая чей-то добрый взгляд; у соседки, которая сжимала губы, будто удерживала внутри старую обиду; у мальчика, который боялся забыть голос бабушки. К каждому Барсик подходил по-

своему: к одному тёрся о ногу, другому ложился на колени, третьего просто провожал взглядом, мурлыча про себя, чтобы искорка не погасла.

Иногда воспоминания возвращались не целиком, а как налёк — запах, тень улыбки, ощущение чьих-то рук. Но и этого хватало, чтобы человек вдруг сказал: «А ведь было что-то хорошее...» — и на его лице появлялась та самая тихая радость, ради которой и стоит быть проводником.

В конце концов Барсик понял одну простую вещь: воспоминания — как коты. Они не любят, когда их хватают и тащат. Они приходят сами, если ты сидишь тихо, мурлычешь и даёшь понять, что здесь безопасно.

И когда вечером хозяйка снова укладывалась спать, Барсик сворачивался рядом и думал: «Пусть сегодня тебе приснится что-то тёплое. А если вдруг встретится забытое — я буду рядом, чтобы помочь его узнать».

«Как Барсик собирал чужие мечты»

В ту ночь воздух в комнате был особенно тихим — будто город на время перестал шуметь, чтобы кто-то мог услышать самое тихое. Хозяйка уснула, подложив ладонь под щеку, а Барсик устроился рядышком, прикрыл глаза — и вдруг почувствовал, как вокруг начинают вспыхивать крошечные

огоньки. Они не были похожи на звёзды: каждый светился своим цветом и формой, и у каждого было своё дыхание.

Это были мечты.

Одни — яркие, как праздничные фонарики, другие — робкие, едва заметные, будто боялись, что их заметят и скажут: «Да ну, разве это возможно?» Барсик понял: пока люди не готовы исполнить мечту, она становится слишком хрупкой, чтобы жить в их мыслях. Она прячется в снах и ждёт, когда станет чуть крепче. А Барсик мог их собирать и хранить.

К нему подошла невысокая женщина в плаще из лунного света. В руках у неё была корзинка, оплетённая нитями тишины.

— Ты видишь их? — спросила она тихо, чтобы не спугнуть ни одну.

— Вижу, — промяукал Барсик. — Они такие разные...

— Да. Одни хотят стать большими, другие боятся вырасти. Твоя задача — не менять их, не подгонять под «правильное», а просто дать им место, где они смогут спокойно дышать.

Женщина открыла корзинку, и Барсик увидел, что внутри уже лежат мечты: мечта девочки стать художницей, мечта

старика снова услышать голос давно уехавшего сына, мечта юноши не подвести тех, кто в него верит. Каждая лежала бережно, как яйцо в гнезде.

— А что, если они никогда не сбудутся? — спросил Барсик, чуть морща нос.

— Мечты не обязаны сбываться сразу. Иногда самое важное — чтобы они не погасли по дороге. Пусть хранятся, пока человек не станет готов их взять.

Барсик начал собирать. Он подходил к каждому огоньку, чуть касался его носом — и огонёк сворачивался в мягкий комочек, похожий на клубочек шерсти, и укладывался в корзинку. Один комочек пах акварелью и бумагой, другой — морским ветром, третий — тишиной раннего утра, когда все ещё спят, а ты уже знаешь, что сегодня сделаешь что-то важное.

Он собирал и думал: «Пусть они полежат здесь. Пусть не остынут».

А потом он заметил один огонёк, который дрожал сильнее всех. Это была мечта хозяйки — не громкая, не блестящая, а очень тихая: просто однажды перестать бояться, что у неё ничего не получится. Барсик не стал её забирать. Вместо этого он сел рядом, закрыл глаза и замурлыкал. И огонёк пе-

рестал дрожать. Он не стал ярче, но стал спокойнее — будто услышал: «Я здесь. Ты не одна».

Когда корзинка наполнилась, женщина улыбнулась:
— Спасибо. Теперь они в безопасности. Когда люди будут готовы, мы вернём им мечты. А пока пусть отдыхают.

Барсик кивнул и подумал, что хранить чужие мечты — это как греть чашку в ладонях, чтобы чай дольше оставался тёплым.

Утром хозяйка проснулась и сказала, потягиваясь:
— Знаешь, сегодня я попробую начать тот рассказ. Давно хотела, всё откладывала...

Барсик подошёл, ткнулся носом в её руку и промурлыкал:
«Начинай. Мечта уже ждёт тебя».

«Как Барсик помог простить старое воспоминание»
Этот сон был похож на старый альбом, который кто-то долго не открывал, потому что знал: там есть страница, от которой становится тяжело на сердце. Барсик шёл по страницам, и каждая шептала ему свою историю. Но одна страница была плотно прижата к обложке, будто хотела спрятаться навсегда.

На ней жило воспоминание о ссоре. Оно было колючим,

как сухая ветка, и тяжёлым, как камень. Хозяйка когда-то очень сильно обиделась, и с тех пор это воспоминание сидело внутри, напоминая: «Тебя не поняли. Тебя подвели». Оно не давало ей спокойно вспоминать тот год, будто стояло на пороге и не пускало туда ничего хорошего.

Рядом с этой страницей сидела маленькая девочка с глазами, похожими на осенние лужи.

— Оно не хочет уходить, — сказала она тихо. — Оно думает, что если уйдёт, то всё было зря.

— А если не уходить, а простить? — промяукал Барсик.

— Простить — это не забыть. Это просто перестать держать его как оружие.

Девочка протянула ему клубочек из мягкой тишины.

— Попробуй размотать его рядом с воспоминанием. Пусть оно почувствует, что его не ругают.

Барсик сел у страницы и начал медленно разматывать клубочек. Ниточка ложилась на колючее воспоминание, и оно чуть-чуть смягчалось. Он не говорил: «Забудь это». Он просто мурлыкал: «Я вижу, как тебе было больно. И я здесь».

Воспоминание дрогнуло. Из колючего оно стало просто грустным. А потом из него выглянуло что-то ещё — то, что пряталось за обидой: усталость, страх быть непонятой, же-

ление, чтобы тогда кто-то просто обнял и сказал: «Прости, я не хотел тебя ранить».

И вдруг Барсик понял: прощение — это когда ты даёшь место и боли, и тому, кто её причинил. Не оправдываешь, не забываешь, а просто перестаёшь держать обиду как щит.

Он размотал ещё немного нити, и страница раскрылась. На ней осталась та самая ссора, но теперь рядом с ней было ещё одно слово: «прошло». И от этого слово становилось легче дышать.

Когда Барсик вернулся, хозяйка во сне чуть нахмурилась, будто что-то вспомнила, а потом вздохнула — и этот вздох был не горьким, а освобождающим, как будто она наконец-то поставила тяжёлую сумку на пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.